

Полевас, Рабека Лилльберг, Викториа Михайлова, Леонид Советников, Ирина Родионова, Черный Водолей (Валерий Старостин), Андрей Сутоцкий, Ольга Аудюкова, Сергей Грызлов, Ираида Сласская, Сергей Марчик, Ирина

ТРОПИНКА В ДИВНЫЙ САД

АНТОЛОГИЯ ЖИВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Кашук, Иллина Ратова, Черный Иллина Ратова, Черный Водолей (Валерий Старостин), Ольга Аудюкова, Сергей Грызлов, Шри Махадэва Ади Н Егорычева, Викториа Максова, Нина Есипенко, Юрий Со, Гали льберг, Викториа Михайлова, Л Кашук, Иллина Ратова, Черный

Владимир Шугля, Нина Есипенко, Юрий Со, Галина Горбанева, Елизаветта Полевас, Рабека Лилльберг, Викториа Михайлова, Леонид Советников, Ирина Родионова, Светлана Кашук, Иллина Ратова, Черный Водолей (Валерий Старостин), Андрей Сутоцкий, Ольга Аудюкова, Сергей Грызлов, Ираида Сласская, Сергей Марчик, Ираида Янкова, Шри Махадэва Ади Нидана, Марина Андреева, Лео Курас, Ирина Егорычева, Викториа Максова, Виталий Симоновский, Владимир Шугля, Нина Есипенко

Иллина Ратова, Черный Водолей (Валерий Старостин), Ольга Аудюкова, Сергей Грызлов, Ираида Сласская, Шри Махадэва Ади Нидана, Марина Андреева, Викториа Максова, Виталий Симоновский, Нина Есипенко, Юрий Со, Галина Горбанева, Елизаветта льберг, Викториа Михайлова, Леонид Советников, Ирин Кашук, Иллина Ратова, Черный Водолей (Валерий Ст

Черный Водолей (Валерий Старостин), Андрей Сутоцкий, Ольга Аудюкова, Сергей Грызлов, Ираида Сласская, Сергей Марчик, Ирина Янкова, Шри Махадэва Ади Нидана, Марина Андреева, Лео Курас, Ирина Егорычева, Викториа Максова, Виталий Симоновский,

Ирина Родионова, Иллина Ратова, Черный Водолей (Валерий Старостин), Ольга Аудюкова, Ираида Сласская, Ирина Янкова, Ади Нидана, Марина Курас, Ирина Егорычева, Викториа Максова, Виталий Симоновский, Владимир Шугля, Нина Есипенко, Галина Горбанева, Рабека Лилльберг, Леонид Советников, Светлана Кашук, Шри Махадэва Ади Андреева, Лео Курас, Викториа Максова, Владимир Шугля, Ираида Сласская, Галина Горбанева,

Антология Живой Литературы (АЖЛ)

АНТОЛОГИЯ
Тропинка в дивный сад

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2016

УДК 82-1
ББК 94-3

Антология

Тропинка в дивный сад / Антология — Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ", 2016 — (Антология Живой Литературы (АЖЛ))

ISBN 978-5-00025-097-6

«Антология Живой Литературы» (АЖЛ) – книжная серия издательства «Скифия», призванная популяризировать современную поэзию и прозу. В серии публикуются как известные, так и начинающие русскоязычные авторы со всего мира.

УДК 82-1

ББК 94-3

ISBN 978-5-00025-097-6

© Антология, 2016
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2016

Содержание

Предисловие	8
Здесь начертано имя твое	9
«Как светло в этой росстани!...»	10
«Любви возвышенную сутью...»	11
«Из всех привязанностей мира...»	12
«Начало марта... Снова... ..надцать...»	13
«Шальных ветров небесный голод...»	14
«Растущий день преследует...»	15
«Не кланяясь туманам и дождям...»	16
«Веселый зайчик на стене...»	17
«Моя квартира, как иные...»	18
«В день распахнуты ворота...»	19
«Сквозь ветви солнце золотит скворешню...»	20
«Отец нам строил дом...»	21
«Я вспоминаю, как неуловимо...»	22
«Вновь детством небесным...»	23
«Разноголосье, разнопенье...»	24
«Сердце неровно бьется...»	25
«Душевный стон в секундах и минутах...»	26
«В небе тучки в пути...»	27
«Иного не знаю достойней богатства...»	28
«Мы – каждый себе – выбираем дорогу...»	29
На паперти	30
«На паперти синеющего неба...»	31
Соната Снег	32
«Звенела ночь... В ушах метался шар...»	33
«Боль моя!..»	34
«Она пришла – и я воскрес, не помня пытки...»	35
«Она не хочет уходить...»	36
«Не забегай, не убегай, не слушай ветра!..»	37
«Много...»	38
«Я томилась негаданной встречей...»	40
Соната Памяти	41
Часть I	41
Часть II	43
Часть III	45
Часть IV	46
Магистраль	49
Полярный пирс	50
Я и Наташа	52
1	52
2	52
Сад земных насаждений	54
Корабль дураков	55
Какая она, нежность...	57
Письмо на листе лопуха	59

Говори, ненавистная женщина	60
Бессмертие	61
Моя милая, странная...	62
Сад земных насаждений	63
1. Синее	63
2. Зеленое	63
3. Желтое	64
4. Белое	64
Ночной крик василиска	66
Стихи с набережной	67
Двор на Петроградской	68
Комендант одиночества	69
Сегодня вороны...	70
Преподобная жуть	71
Все в доме спят	72
Они говорят	74
Голубые груши Карфагена	75
Утро в далеких горах	76
Двое у воды	77
Белый зал	78
Апокрифы	79
Совиньон	80
К Светонию	81
Дельфин	82
В Начале было	83
На смерть котенка	85
Мельничная нежить	86
Седлышко	88
Кипарис и роза	89
Как ребрышки	90
Сонет, сочиненный за карточным столиком	91
На синергетику	92
В целые недели	93
Даная	94
И я пишу тебе это	96
Янтарь	97
Осень	98
Сумерки года	99
Когда о любви будет все уже сказано	100
«Я родилась не завтра, не вчера...»	101
«Читали женщины стихи...»	102
«Без музыки? Боюсь, что не смогу...»	103
«Снова вызрела звезд семья...»	104
Скажи мне еще раз...	105
«Когда о любви будет все уже сказано...»	106
«Нет, мы не повинны, конечно, с тобою...»	107
«Не изумруды, лалы и сапфиры...»	108
«Помолчи, луна-разлучница...»	109
«За это прекрасное лето...»	110

По русским пословицам	111
Быть женщиной	112
«Вбираю мгновенья и слухом, и зреньем...»	113
«От снєси, от гордыни – от пороков...»	114
«Я верую, я знаю, я дышу...»	115
«Это так неизбито...»	116
«Как смертнику – воли, голодному – хлеба...»	117
«И только высокое небо...»	118
«А я давно уже не та...»	119
Жизнь	120
Метроном	122
Метроном	123
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Тропинка в дивный сад: антология

Редактор-составитель Нари Ади-Карана

Серия: Антология Живой Литературы (АЖЛ)

Серия основана в 2013 году

Том 7

Издательство приглашает поэтов и авторов короткой прозы к участию в конкурсе на публикацию в серии АЖЛ. Заявки принимаются по адресу skifiabook@mail.ru.

Подробности конкурса: издательский сайт www.skifiabook.ru.

Все тексты печатаются в авторской редакции.

При оформлении обложки использована картина Евы Ятт.

Интернет-страница художника:

www.facebook.com/groups/EvaYatt

Предисловие

Он под или над небом – тот Город Золотой? В котором Дивный Сад, в котором – Огнегривый Лев?.. Наверное, он в нас. И небо, тоже – в нас, и все, что под и над

А больше ведь и негде...

Редактор тома Нари Ади-Карана

P.S. Если у вас есть желание предложить свои произведения – мы будем рады. Просто вышлите свои работы вместе с небольшим рассказом о себе по электронному адресу нашего издательства: skifiabook@mail.ru с пометкой «заявка на участие в Антологии Живой Литературы». Мы обязательно рассмотрим ваше предложение и ответим вам.

Здесь начертано имя твое Владимир Шугля. г. Тюмень

Об авторе:

Стихи Владимира Шугли постоянно печатаются в различных изданиях, поэтому при подготовке цикла «Здесь начертано имя твое» хотелось уйти от клише...

Этот цикл отличается тем, что при выборе стихов ставка делалась на «солнечность», «воздушность»... Но главное отличие, что сам автор, открывая этот сборник, впервые увидит эту подборку. Это – подарок к юбилейной дате автора от детей. Обычно вступительное слово должно сжато рассказать об авторе, но что касается Владимира Шугли – достаточно ввести его имя в строке любого интернет-поисковика и вы найдете всю интересующую информацию о биографии Владимира, его новые стихи, которые лучше всего отражают душу поэта. Ведь стихи это эмоции, облеченные в слова. Именно этими чувствами, не стыдясь, так щедро делится с нами автор, передавая весь жизненный опыт через «прицел» души...

© Шугля Владимир, 2016

«Как светло в этой росстани!..»

Как светло в этой росстани!
И поля, и леса, и жнивье...
Уходящими звездами
Здесь начертано имя твое.

Звук весеннего голоса
Брызжет светом и каплями с крыш,
Красит в белое полосы
Почерневших житейских афиш.

И с душою повенчана
Молодая весенняя купь.
...Солнце розовым птенчиком —
Растворяет рассветную глубь...

«Любви возвышенною сутью...»

Любви возвышенною сутью
У бытия весны свечу теплою,
И жизнь от всякой чищу мути,
И дню в рассвет шепчу:
«Люблю... Люблю...»

Ответом мне – потоки света,
Из дымки синей – пламенный набат,
Надежд несущий солнечную мету,
Высот космических и далее взгляд...

Душа, как высь, полна лазури,
Желая птицей в небо воспарить...
Где свет – не место черной буре!
Там всех сердец связующая нить...

«Из всех привязанностей мира...»

Из всех привязанностей мира,
Как первый солнца луч в окно,
Как приворотное вино,
Мне голос – в сердце – чудной лиры.

Он неба звук, он звук эфира —
Его свет льет в мое окно...
Кружит судьбы веретено
В сиянье ярком светлой лиры...

...Лохмотья сняв земной цифири,
Хранится жизнью в днях одно:
Звучанье в сердце чистой лиры...

«Начало марта... Снова... ...надцать...»

Начало марта... Снова... «...надцать...»
Весна у изголовья.
И солнце лезет целоваться,
Беременно любовью.

И снова ничего не страшно,
И светом очи полны.
Тревоги – день уже вчерашний
В закате небосклона...

Косые взгляды – будто нету...
Как с первою звездою
Вокруг земное канет в Лету...
И мы одни на белом свете,
И ты – как неземное...

«Шальных ветров небесный голод...»

Шальных ветров небесный голод
Живет в душе и в сушь, и в гром,
И горизонт, как белый голубь,
Несет мечты своим крылом.

В лучах закатных тянет к морю —
Туда, где вод и неба край,
Где сердце чайкой на просторе
Воды коснется невзначай...

Со мною будь простора голод,
Всегда, везде – и в сушь, и в гром!
Чтоб горизонт, как в небе голубь,
Мне бил о жизнь своим крылом...

«Растущий день преследует...»

Растущий день преследует,
Уносит сердце в небоцвет...
И я душою следую
За мартовской капелью
вслед...

Хоть день без солнца —
пасмурно,
Но льет сквозь тучи в душу свет...
Моей душе беспаспортной
Бог выписал весны билет.

И жизнь опять немерена...
Душа, как на ладони... рейд.
И грусть на свет поменяна,
И прошлых бед как будто
нет...

«Не кланяясь туманам и дождям...»

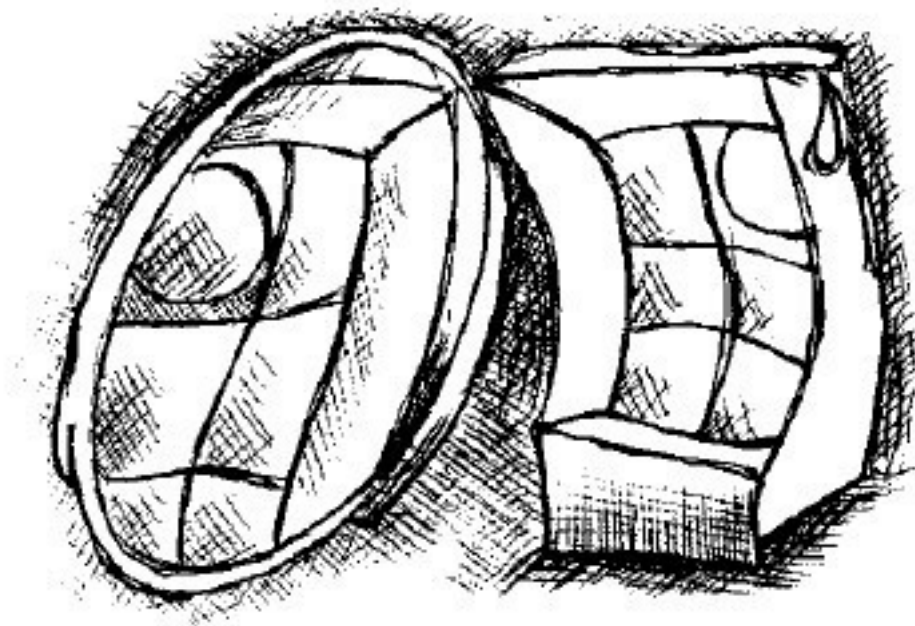
Не кланяясь туманам и дождям,
Рассвет сквозь сумрак тянет руки,
Летит от звездных дел к земным делам,
Сладки ему земные муки...

Весь в золоте сияет храма крест,
Горит, как маленькое солнце,
И – следом – у домов искрят окрест,
Как светлячки, глаза-оконца.

И улиц вид – румяным молодцом —
Поток авто в себя вбирает...
...Морщинится у города лицо —
В дела уходит свет...
И тает...

«Веселый зайчик на стене...»

Веселый зайчик на стене —
Рассветный луч – блестит дрожа.
За ним как росчерк по волне
Мельканье быстрого стрижа.
Потоком льется свет в окно:
«Пора вставать!» – диктует день.
Небесной синевы блокнот
Листает облачная тень...
Ушел тот миг... Но как во сне
Былой картины письма —
Веселый лучик на стене...
И ты вся в неге ото сна...

«Моя квартира, как иные...»

Моя квартира, как иные,
С окошком спальни на восход,
Но в ней родная мне стихия —
Мое спасенье от невзгод.
Она сквозь стены над округой
Царит, вбирая улиц шум,
Она как лучшая подруга,
С которой ты все так же юн.
Мне за глаза ее хватает
Забить заботы и дела...
...Шум за окном, стихая, тает,
И птица вечности, летая,
О звезды бьется в два крыла...

«В день распахнуты ворота...»

В день распахнуты ворота,
Снова дом стряхнул дремоту.
Вижу я в своем окне —
Две фигурки машут мне,
Взоры шлют и душ щедроты,
Провожая на работу.

Все... Пора вершить дела...
И стезя забот легла.
Только выйду за ворота,
Как сдаю судьбе зачеты...
...А в душе все машут мне
Две фигурки... Там... В окне.

«Сквозь ветви солнце золотит скворешню...»

Сквозь ветви солнце золотит скворешню.
Струится свет, ветра и тьму поправ.
И дымкой светлой, бирюзово-нежной,
Окутан дня раздольно-синий нрав.

Свет в душу льется, чист, как из криницы.
Он пахнет рожью с утренних полей,
Как будто бы волшебная жар-птица
На землю льет чарующий елей.

Все растворилось в этом солнца царстве,
Собрав цветочный, как пчела, нектар...
И вольный дух земли, ветров бунтарства
Несут в себе покоя божий дар...

«Отец нам строил дом...»

Отец нам строил дом,
Мне было восемь.
Все сам... Своим трудом —
Семь зим и весен.

Дом рос... А с ним и я
Из сини в просинь.
Ложилась колея
На дни-колосья.

И белых яблонь сад
Вел в поднебесье...
Цветочный аромат
Струился песней.

И правдою поил
Родник деревню.
Душе давали сил
Поля... Деревья...

...За поворотом – брод,
Лес в птичьих гнездах.
И мама в дом зовет,
И небо в звездах...

«Я вспоминаю, как неуловимо...»

Я вспоминаю, как неуловимо
Врывалась в сны, у боли на краю,
Любовь восторженно, неудержимо,
И вот я дочку замуж выдаю...

Неужто перевернута страница
Дней детства – беззаботных дивных дней...
От счастья очи, будто две зарницы,
У повзрослевшей дочери моей!

И время быстро мчится, мчится, мчится,
Как будто вскачь несется новый век,
А я не знаю – снится иль не снится,
Что повзрослел родной мне человек.

«Вновь детством небесным...»

Вновь детством небесным
Весна разлилась без предела...
И ворот стал тесным
И сердце опять осмелело.

Стук вроде бы мерный:
То громче, то будто бы тише...
Порою вечерней
Шугою река вдруг задышит.

И музыка ветра
Таит в себе воли безбрежность.
Воздушное ретро —
Ночи золотистая нежность.

В торжественных бликах
Устало является вечер.
Раскрытая книга —
С душой растревоженной встреча...

«Разноголосье, разнопенье...»

Разноголосье, разнопенье...
Я вслушиваюсь в бытие.
Моей больной душе знаменьем —
В толпе людей – лицо твое.

Оно мелькнуло и пропало
Искрой умчавшейся во тьму,
Виденьем чудным отсияло
Подобно утреннему сну.

Стучит ошеломленно сердце,
Ведет в волшебную страну...
И от нее душе не деться —
Она у памяти в плену!

И пусть в годах гуляет осень,
И волос серебрит луной —
Душа в себе повсюду носит
От бед защитой образ твой...

...Закрыв глаза, перебираю
Все сны мои, когда в них ты,
Когда вот так небесно тают
Родного мне лица черты.

«Сердце неровно бьется...»

Сердце неровно бьется,
Годы стучат в висок.
В небо дорога вьется
С жизнью наискосок.

Лишнего нету часа —
Время, увы, не ждет.
Нету другого раза
В днях, что летят вперед!

Веру я теплить смею —
Нам еще время даст
Подлые дни развеять,
Скинуть с души балласт.

...Бью я прямой наводкой
По полным боли дням,
Серости околотку...
И по своим грехам...

«Душевный стон в секундах и минутах...»

Душевный стон в секундах и минутах,
Желаний – нет, покоя – тоже нет.
И нить судьбы, как тонкой сети путы...
Не половодье чувств, а в сердце смуту
Несет душе похмелье горьких лет...

Очнись, душа! С судьбой тебе подвластной
Вставай скорей на вещий путь зерна —
Верни любовь... Все в мире не напрасно,
Коль ты ежеминутно, ежечасно
Творишь ее... Тебя ж – творит она...

«В небе тучки в пути...»

В небе тучки в пути,
В лужах свет серебром —
Он в полете слепом —
Отгуляли дожди...

В окна льет аромат,
Тесно сердцу в груди,
Сердце тоже в пути —
В цвете юности сад.

«Не сдаваться», – шепчу:
«Только верить и сметь
Горе, беды презреть...»
...За все сердцем плачу.

В небе лет голубей...
Пью за синий наш дом,
За свет солнца, что в нем...
...За надежду у дней.

«Иного не знаю достойней богатства...»

Иного не знаю достойней богатства —
Сквозь беды мечтами в зарю прорываться,
И споря с собою, решая сомненья,
Эпохи и сердца в ней слышать биенье.

Любовь и надежды записывать в святцы
И с верою в счастье душой не расстаться.
В слезинках галактик растаять молитвой,
Обратно вернуться рассветом разлитым...

Без зависти в сердце, в душе без злорадства,
На облаке белом землей наслаждаться,
Пусть трудно, но вместе с любовью и верой
Жить в светлом... Но только не в черном и сером!

«Мы – каждый себе – выбираем дорогу...»

Мы – каждый себе – выбираем дорогу,
По ней и шагаем... И в небе кружим...
И выбор, оставленный Господом Богом,
Потом назовется дорогой души.

...Гуляют ветра в ширине небосвода,
И душам дорогой к свободе они...
Нам Богом чрез души дается свобода...
И нам выбирать, как прожить свои дни.

На паперти
Нина Есипенко. Украина, г. Черкассы

От автора:
Родилась в 1947 году на руднике Бутугычаг Тенькинского района Магаданской области.
Филолог. Музыкант. Играю в бисер.

© Есипенко Нина, 2016

«На паперти синеющего неба...»

На паперти синеющего неба
пустынный Свет, мерцающий в тиши:
о, светлый Бог! единственная треба
взыскующей приятия души.

Мой путь земной прозреньем изначальным
отмечен был, сомнению вопреки:
на паперти, пред куполом венчальным
коснусь Твоей протянутой руки.

О светлый Миг! Земное упованье
томительно и суетно душе:
предвечное, сердечное избранье
меня коснулось памятью уже.

Соната Снег

Из лирики бригаАнто.

Мона Лета, Март Чекан

Занавеской пурги убаюкана снежная память,
одинокость мечты превозносит непрожитый миг.
В нежном городе снов расстояние измерить шагами
невозможно-легко, словно пламя расплавит шаги.

Снова ночь переходит границы земного уклада,
снова снег за окном воскрешает любви голоса.
В нежном пламени губ поцелуйная зреет соната
невозможно-легко, словно время парит на весах.

Я скажу тебе слово, которому нет назначенья,
кроме нежного-нежного-нежного-нежного сна,
бесконечного сна, бесконечного снега свеченья
невозможно-легко, словно первая в жизни весна.

«Звенела ночь... В ушах метался шар...»

Звенела ночь... В ушах метался шар,
на стенки черепа пугливо натываясь...
По комнатам, рассеянно шатаясь,
бродил кошмар.

Маячил бред... Не накрывая губ,
оцепленных метельной лихорадкой,
он чью-то тень высвечивал украдкой
и гнул дугу.

Потерян ключ... Настройщик удручен,
он слышит, что рояль звучит нечисто...
Но не в ответе за режим артиста
ничей поклон.

«Боль моя!..»

Боль моя!
Капризный ветер
гасит чувственные свечи
дружбы и тепла...

Свет не вечен,
снега плечи
окрыляет каждый вечер
боль моя...
...Пришла?

«Она пришла – и я воскрес, не помня пытки...»

Она пришла – и я воскрес, не помня пытки
ее волос, ее небес, ее улыбки...

Она вошла – и я забыл, откуда родом
моя печаль, моя тоска, моя невзгода...

Она искала – и нашла, и ей не нужно
земного дня, земного сна, земного мужа...

Я все учел и все пойму, но только дайте
в полночный час при свете глаз сказать «Прощайте...»

«Она не хочет уходить...»

Она не хочет уходить,
моя зима, моя находка...
Я как утопленная лодка
у снежной бури на груди!

И бесконечной чередой
взмывают волны – и стекают...
Но памяти не окликают
и не грозят уже бедой.

Как будто жизнь – уже прошла,
а смерть – еще не наступила:
пришла, погладила, спросила —
и усомнившись – отошла.

«Не забегай, не убегай, не слушай ветра!...»

Не забегай, не убегай, не слушай ветра!
последним снегом дышит май, последним снегом...

Я не хочу, я не хотел такой свободы!
пуржит, пуржит над перекрестком непогода...

Ты проглотил мой срок, мой путь, апрельский ветер!
твоим порывом задохнусь, как первой встречей...

Не дай мне сдохнуть от тоски, погода мая!
я так желал ее руки, и так желаю...

Пойми, ветрюга, я не зверь, я весь из глины!
я не хочу таких потерь, бесполовинных...

«Много...»

Много
дней
и ночей
шел я
к тебе
навстречу —
не узнавая
прохожих,
не ведая
чисел
и лет.
Теперь
из моих
шагов
можно
сложить
к
о
л
о
к
о
л
ь
н
ю
—
и слушать,
как ты играешь
путь мой
без нот, наизусть.

что говоришь ты, Мона?
что поют твои руки?
твой неотступный взгляд
всегда в мою сторону светит,
где б ни стоял я молча,
картину твоей улыбки
в душе воскрешая...

«Я томилаcь негaдaннoй вcтpeчeй...»

Я томилаcь негaдaннoй вcтpeчeй,
oзapившeй мирaжнyю дaль.
O мoй пyть – мeждy cнeгoм и вeчнocтью
нa пoющих лyбви пpoвoдax...

Ho тyмaнным дoждeм, нe нaрoчнo
нaмoкaeт пoлeтнocть кpылa.
To ли cвязь мeждy нaми нapyшeнa,
тo ли пpoстo лyбoвь yмepлa.

Соната Памяти (венки сонетов)

Эпистола и балет!
Трое кратно Окно
Остекленил плен;
Нервно и налегке
Единоверцу всех...

Часть I

Этюд
полночный
изобильно
светел
тревожным
откровеньем муки
лика:
ах,
или
богом дан?
ах, или
ливень
еще не смолк,
танцуя на ветру?

1

Горит Октябрь любви воспоминаньем...
листочки, словно флаги на ветвях,
разбросаны с уходом второпях, —
любовью ль это? или любованьем?
Каким-то свежим вновь очарованьем
дохнул закат в березовых лучах —
так значит, праздник Солнца не зачах!
неистошимо леса дарованье...
Примолкли птицы, только крик сорок
пророчит теплым дням недолгий срок,
вещает снегопада приближенье;
растет запас моих цветных свечей,
готовится иное наважденье
в тумане дней и шорохе ночей.

2

В тумане дней и шорохе ночей
приходит к нам неожиданная тревога
и словно пес, садится у порога,
скулит и воет – слезы из очей.
Я призову к тебе моих врачей,
пускай подлечат старенького дога,
а если будешь плакать слишком долго —
я приглашу знакомых палачей.
Мой верный пес, печаль моя земная,
не надо выть, твои невзгоды знаю,
взгляни: какая полная луна!
ни звука... Спит медведь, уснул ручей;
лишь тишина – пронзительно слышна
и чистый Голос, явственно Ничей.

3

И чистый Голос, явственно ничей,
Поет невыразимые красоты,
берет недостижимые высоты —
нет, не Алябьев! Нет, не Соловей!
Не надо мне спасительных огней,
оставьте в ульях восковые соты —
не в первый раз, не в пятый и не в сотый
проглянет тьма из-за святых дверей.
Душа моя не в храме обрела,
а в суете – два праведных крыла;
но этот г о л о с... Тайный и греховный...
непостижимый, чистый и верховный,
поющий об угаданном желанье,
манит меня последним упованьем.

4

Манит меня последним упованьем
нелепая и дерзкая мечта:
твой путь пересечет моя верста
и с ног собьет негаданным свиданьем.
Я знаю – время правит расстояньем,
а временем разлука иль рассвет;

давно утрачен мной иммунитет
в стремление духа слиться с мирозданием;
Давно истлевших ликов ликованием,
бессонных лет тревожным начинанием
мне грезилось видение наяву:
скулит метель... с тоскливым подвыванием...
и ждет, когда отчаясь – позову
я именем Тебя или названием.

Часть II

Туман плывет,
ревниво
огибая
еще горячий
куст
рябины пленной...
ах, в городе
твоем
навек
осень,
оранжевые
кудри
новой стыни
о гиблых снах...

5

Я именем тебя или названием
не потревожу, память беря —
пускай другие на слезах дождя
о встречах забавляются гаданием.
Меня ж почтило лето назиданием
искать свои приметы загодя —
в стихах и письмах строки находя,
звучащие далеким предсказанием.
Но в чем последний искус, в чем испуг?
на символе каком сомкнется круг?
мелькают предо мной в потоке дней
машины, шины... Горные вершины...
а может, просто – веточку крушины
запечатлею в памяти моей.

6

Запечатлею в памяти моей,
как будто в амбразуре сновиденья —
пальбу войны в зеленом отдаленье
и взмыленные крупы лошадей.
А сердца стук больней-больней-больней,
предчувствую последнее сраженье,
и вот он, взрыв!.. Немое пробужденье,
и лица озаренные друзей.
В который раз – смертельное рожденье!
но вслед за тем я слышу мертвых пенье:
о сколько их погибло в миг борьбы!
когда тебя на копьях пронесут,
не предрешит, мой Стих, твоей судьбы
ни суд друзей моих, ни высший суд.

7

Ни высший суд, грядущий от веков,
ни суд мирской, творящий преткновенья,
не усмирят неясного волненья
под парусом вдали от берегов.
Земля пылает в Зареве Снегов,
занявшихся от ветра дуновенья —
Стихия дня! Приливом вдохновенья!
рисует Риск! – расплавленных оков...
Рискованны пути в моря наитий,
и между окровеньем и отплытьем
алеет кровь в уключине ладьи;
Но не страшусь! Упиться притязаньем, —
и пусть его усердие судьи
заведомо не освятит признаньем.

8

Заведомо не освятит признаньем
мои права, неясные, как сон,
моих сомнений разноцветный сонм —
твой резкий взгляд, отточенный вниманьем.
Но гаммой вздохов, в унисон ворчанью —
два тона, полутон и снова тон —

до времени смирить свой вещий стон
соната и сонет верны призванью.
Что может быть естественней в роду,
чем пребывать со временем в ладу?
пока мои скворцы не прилетели —
я буду грезить прошлому вослед;
ты скажешь: непростительно без цели —
но что мне в том, простишь ты или нет.

Часть III

О гиблых снах, о
сумрачной
теснине прошедших вдоль
еще не отворенных
кровавых кладовых
лепнины старой;
еще?
навесы вечных
истин
ЛАГ'а,
пылающая
лестница Зари;
еще? – ах, в городе твоём —
не я ли?

9

Но что мне в том, простишь ты или нет
осенним дням туманное горенье,
и музыки тревожное паренье,
и памяти неистовый балет?
Вот в вихре улиц мчит кабриолет —
наперерез ветрам и треволнениям
и осенен невидимым знаменьем
игрок, чей козырь – пиковый валет!
О, пиковая масть! О, вороная
четверка! Осень – без конца и края!
червонным золотом обрызган пируэт
дождя на площади, и под туманной сенью
кружится в торжестве освобожденья
Огонь Летящий Через Бездны Лет!

10

Огонь, летящий через бездны лет
на эти опустевшие поляны,
окутанные маревом туманным,
тебе – мое родство и мой привет!
Не мной столь вдохновенно был воспет
ваш нежный лик, сомнительный и странный,
ваш томный стан, пришелец чужестранный —
иных времен романтик и поэт!
Но облик тот хранит хмельная Осень
в золотых кудрях берез, с очами в просинь
и в тонких, гибких линиях ветвей;
как вдруг, не помышляя о преграде,
луч Солнца вспыхнул! – прямо у корней,
сжигающий и листья, и тетради.

11

Сжигающий и листья, и тетради —
повремени сводить концы на нет,
перелистни страницы дальних лет,
мелькающих, как лица на параде.
Еще и запах вихрем не украден,
еще звучит под Солнцем Неба цвет,
еще струится первозданный свет
поэзии в неконченной балладе.
О живопись и звукопись времен,
истекших кровью боевых знамен
ловлю твои звучанья и значенья;
Бушует ветер на пустом юру,
и охраняя Памяти свеченья,
я разложу костер мой на ветру.

Часть IV

Не я ли твой предел...
еще?
речений
венчально
неотъемлемой
отчизны,
истекшей страхом

на излете мысли;
ах,
лунным светом
естества
глагола
касясь сущности;
еще?

12

Я разложу костер мой на ветру
и тихо поведу с Огнем беседу,
и мысленно, по огненному следу,
восстановлю недетскую Игру:
Гори-гори, Огонь, мой ясный друг!
язык твой вещий уподоблю бреду —
высокому, как Сполох, как... ПОБЕДА! —
на миг все прояснившая вокруг.
Погиб поэт! – и жалуется лето
на то, что смерть поэта столь нелепа,
и дым, как саван, стелется окрест;
но смерти вопреки, но жизни ради
среди берез – не вдов и не невест —
сегодня Осень в свадебном наряде.

13

Сегодня Осень в свадебном наряде,
на ней багрец и золото горит,
яснее утра Зарево ланит,
и глубина бездонная во взгляде.
Но не к лицу ручьящейся наяде
убор столь пышный и степенный вид —
звонит волшебный голос и струит
лучей прозрачных огненные пряди.
О Лореляй! О призрак на пути
пловца! Пока не поздно – отпусти,
останови зловещее мгновенье!..
последние усилия соберу
и – обогну тот камень преткновенья;
а завтра, может статься, я умру.

14

А завтра, может статься, я умру.
не то чтоб мнилось смерти приближенье,
но где-то же настигнет на миру
последнее души преображенье.
Одoleвая времени круженье,
мы все гостили на хмельном пиру
созвездий, – но ни кисти, ни перу
не превозмочь земное притяженье.
Пусть так! Но живы ветры на земле,
и не уснут костры в сырой золе,
но вечно будут жечь своим сияньем;
И Музыки Стихия не умрет,
покуда над землей – из года в год —
горит Октябрь любви воспоминаньем.

Магистраль

Горит Октябрь любви воспоминаньем
В тумане дней и шорохе ночей,
И чистый Голос, явственно Ничей —
Манит меня последним упованьем.
Я именем Тебя или названьем
Запечатлею в памяти моей —
Ни высший суд, ни суд моих друзей
Заведомо не освятит признаньем.
Но что мне в том, простишь ты или нет
Огонь, летящий через бездны лет,
Сжигающий и листья, и тетради?
Я разложу костер мой на ветру:
Сегодня Осень в свадебном наряде,
А завтра, может статься, я умру.

Еще...
Дай дани дали в длани отворенной!
Исторгни сути,
Нежно
Озаренной,
Восторженное пламя новизны!
Еще?
Распеву
Царственных
Успений
Воскресен ход:
СПАСИ!
Еще?
Х р а н и.

Полярный пирс

...Как бухта? Постепенно застывает? Иль до сих пор там слышен трапа скрип, когда корабль извергает трюмом на свежий воздух тени бывших жизней?

А может быть, затихло все в природе, и Магадана нет уже во мгле... и вихрь сдул и бухту, и дома... и все, что было, растворилось в Лете... – а впрочем, все – слова, слова, слова...

Виктор Павленков, г. Бостон, из письма

Четвертый день стоит моя погода у моря
без движенья... Светит ярко,
слепит глаза, макушку напекает и шепчет:
«Лето, лето разгорелось, ты слышишь? —
Слышу. – Видишь? – Вижу: лето...» —
но куртки не снимаю. Жалко. Лень.

На бугорке у школы номер три трава зеленая пробилась
возле серой, пожухлой, прошлогодней...
И отворились худенькие глазки всех прошлых лет —
желтеют молчаливо, мерцают неизбывно...
Меж их ресниц снуют и копошатся плеяды мух и мошек,
совершая телодвижения и перелеты...

Плешивый пес нагаевский¹ приплелся и сипло задышал
незловобной пастью, блестя
на солнце влажными очами, – нюхнул траву – и дальше
затрусил вдоль улицы,
покато льнущей к морю.

У моря утром выводок школярский художников:
воткнули табуретки
в песок, еще упругий по отливу,
и зябликами зяблыми расселись,
сгруппировались:
нюхают волну.

Медуз останки в чешуе медовой морской капусты,
брошенной на берег
холодной кистью утренней волны...
В лучах от снега сопки марчеканской* —
лилово-изумрудным переливом,
янтарно-леденцовым мокрым блеском —
на трапезу открытия сезона —
влечет и мириады первозданных июньских мух,
и взор освобожденный художника тюрьмы...

¹ Нагаево и Марчекан – предместья Магадана.

- Какой тюрьмы?
- Излюбленной, мой друг.

Я и Наташа

1

*– Если бы я была такая сильная, как буря,
я могла бы работать метелицей...*

Наташа

Год старый провожая за порог,
встречаю новый, с грустью затаенной:
зачем такой? – колючий и зеленый —
на перекрестке улиц и тревог...
Все вновь, как прежде – каждый бугорок
для детских ног вершина и отрада,
а перелив хрустальный снегопада —
как эхо дальних пушкинских дорог...

О праздник долга! Я опять не скрою,
что где-то буря мглою небо кроет...
от детской веры крепче и сильней,
оберегая всех времен единство,
из года в год труднее и больней
любовь к живым растет, как материнство.

2

*– Чем пахнет одуванчик?
– Черноглазым лицом.*

Наташа

Давным-давно, десятки лет назад
твой дед, закинув ногу на колено,
катал меня, как будто на качелях,
и сам, казалось, был не меньше рад.

Отца я помню рослым и веселым,
и с этого бы мне начать рассказ.
Бутугычаг... – заброшенный поселок,
закрытый рудник, – травы в первый раз...

Но новым детством все открыто вновь,
и все подвластно беглому названью:
отец мой! черноглазая любовь!
хотя давно... давно уже за гранью.

Отца я помню. Памяти отца —
как будто животворное продление —
мое дитя, в котором от рожденья
бушует явь – от прошлого Лица.

Сад земных насаждений Юрий Со. г. Санкт-Петербург

Об авторе:

Человек без биографии. Когда-то она была, но при переездах, видимо, потерялась, о чем автор не сильно скорбит. Если и происходили какие-то события, достойные упоминания, то все они в стихах.

© Юрий Со, 2016

Корабль дураков

Мы шли на зюйд. Течение уносило
корабль, полный духов и людей.
Собрала тут неведомая сила
воров, монахов, клерков и судей.
Мы ели рыбу, водорослей комья,
порой медуз глотали мы живьем.
И, в общем-то, никто уже не помнил
куда, зачем и сколько мы плывем.

Раскосая деваха Божью милость
звала, шепча свои псалмы в рапан.
Она здесь зачала и разродилась,
ребенок где-то в трюме запропал.
Босой поэт бубнил стихи о смерти,
рукою к юнге проскользнув в штаны.
Торгаш слюнявил доллары в конверте,
которые здесь даром не нужны.

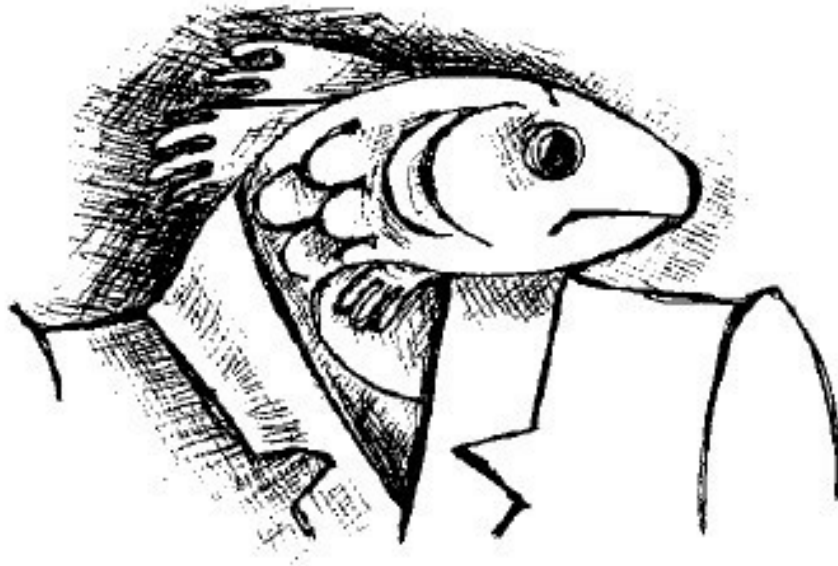
Здесь без работы гнил гробокопатель,
зрачками шаря по сплошной воде.
Сосал здесь рыбы кости председатель
каких-то банков, фондов и т. д.
Никто уже не задавал вопросов.
Гроссмейстер проститутке ставил шах.
И бойкий, но свихнувшийся философ
нам вдохновенно толковал о вшах.

Монахини в своем тщедушном теле
носили неизвестно чьих детей.
Их все уже давно переимели
и больше не считали за людей.
Наш путь лежал, не краток и не долог.
Мы шли на зюйд. Потом уже на вест.
От голода икающий астролог
пытался втюхать мне нательный крест.

А в темном трюме без конца орала
толпа, не в силах более молчать.
Конкистадоры или либералы,
среди дерьма их трудно различать.
Там, между бочек в темноте слоистой,
попавшую им в руки на беду,
два бугая терзали феминистку,
которая здесь перешла в вуду.

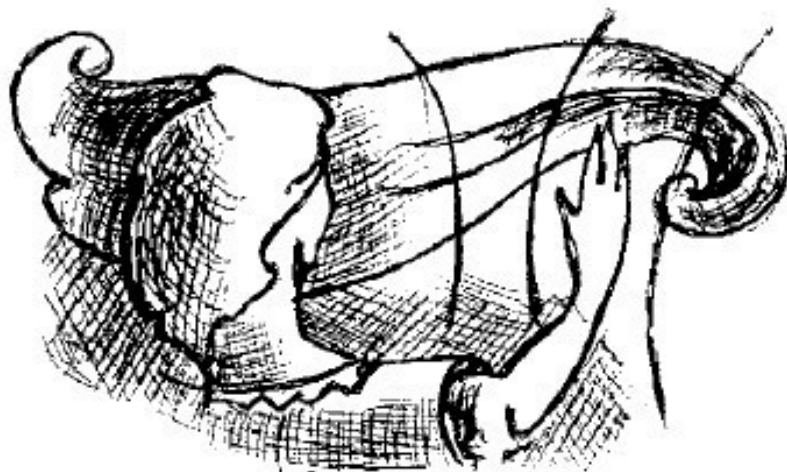
Вдруг капитан (Петров, Мурадов, Лившиц?)
Поспешно вышел к носу корабля.
И юнга, с мачты кое-как спустившись,
ему шепнул на ухо: там земля.
Но капитан, он ведь великий дока.
И с ясностью, присущей лишь ему,
он понимал, что хорошо, что плохо,
а что совсем не нужно никому.

И наш корабль тихо развернулся
и удалился в синий океан.
Никто из нас на землю не вернулся.
Земли ведь нету. Это все обман.

Какая она, нежность...

Интересно, какая она – нежность.
Что ее порождает? Слова, внешность,
свет торшера, звуки, горенье свечи
или как Она вдруг роняет ключи,
потом нагибается и смеется...
Смех ее – выплеск воды из колодца,
в котором так часто ночует луна.
Нежность. Это странная штука. Она
выше любви, хотя мы полагаем,
что выше нет ничего. И слагаем
гимны тому, что умрет. Нежность жива,
даже если любовь давно уж мертва.
Значит, нежность не есть цветок, но запах.
Ему все равно где восток, где запад.
Нежность – это даже не крик, но воздух,
что звук несет. И если любить поздно,
любовь грудничком дрожит от холода,
а нежность встает и держит голову.
Ее не выгравить, как запах дыма
после пожарища. Неумолима.
Любовь – от земли. Нежность, – скорей, от неба.
Реже от тела. И редко от хлеба.
Любовь – искры, костер. А нежность – это
снова и снова встающее лето,
всепожирающий вечный июль,
что не боится слов, астрологов, пуль.
Лишь смерть, укрывшись в свою неизбежность,
может быть, что-то и знает про нежность.

Письмо на листе лопуха

Я пишу тебе это письмо на листе лопуха
камышовым пером. Кучевые ползут облака,
словно дым от пожара, словно на небе война.
Хромоногое лето бредет к середине. Она
уже близко. А ты только дальше. Очень похоже,
в сознание мое «здесь» и «там» скоро будут не вхожи.
Пишу, понимая, что ты не нужна здесь. Но это
мне так непривычно, что легче спихнуть все на лето
холодное, чуждое, беглое, рваное ветром...
Ты мне не нужна. Закрываюсь я шляпой из фетра,
утепляюсь жилетом из адыгейской чесучи.
Много раз пробирал меня этот холод ползучий.
Ты здесь не нужна. Это следствие, но не причина.
Еще один шрам и еще одна, может, морщина.
В зеркале прячется кто-то, будто бы тюль в бахrome.
И чьи-то незримые руки сплетают мое макраме.
Я пишу тебе это письмо и отправлю с ручьем.
Оно писано на тарабарском, на птичьем, ничьем...

Говори, ненавистная женщина

Говори, ненавистная женщина.
Ты во мне, как оконная трещина.
Будто бы без принцессы горошина.
Ты бездонно плоха. И хорошего
в тебе то лишь, что мной преуменьшена,
из стены выходящая женщина.
Твоя память забрызгана лужами
и словами. Скажи. Я послушаю.
Кулаки разожму и оглохну я,
когда, кутаясь длинными лохмами,
ты умолкнешь, как будто бы зрители
все ушли. Твоя слабость пронзительна.
Ты удушливой болью беременна,
ты беспомощна, несвоевременна.
Ты коверкаешь жизнь, как нетленную.
Как попала ты в эту вселенную?
Ты уйдешь, не прощаясь. Ты гордая.
И сползу по двери от восторга я,
что была ты моей. Это в прошлом все.
Но вослед за тобою не брошусь я.
Толку – ноль. За такими не бегают.
Рвется в клочья мое небо пегое.
Никогда уж не станет полегче нам.
Ни мужчинам, ни небу, ни женщинам.

Бессмертие

Послание травы дошло ко мне,
как письмецо в замызганном конверте.
И хорошо, что личное бессмертье
зависит от бессмертия камней,
полета птиц, дыхания кита
и водорослей с полосы прибрежной.
Бессмертие людское неизбежно,
пока глаза сверкают у кота.
Колышутся волнистости жнивья.
В них не найти ни смысла, ни резона.
Но множатся молекулы озона
и предвещают вечность бытия.
И пусть громит житейское ничто
мои поджилки, нервы или чакры.
Лишь потому еще мы не зачахли,
что стелется лишайник на плато.
Вот и ответ. Свирепое крыло
совы или мышинный писк под нею
нас подвигает к космосу сильнее,
чем слов и мыслей чахлое весло.
И медленно скрывается в саду
последний выдох слов пустопорожних.
Сорвав на бровке пыльный подорожник,
свое бессмертье на ладонь кладу.

Моя милая, странная...

Моя милая, странная, дальняя...
Нелегко нам междусобойничать.
Ты, как книга ручного издания,
как загадочный Кодекс Войнич.
Без меня мои щеки ты трогала.
Ничего не дала, кроме тела.
Я глотал твою книгу, как впроголодь.
А мою ты читать не хотела.
Моя глупость исповедальная
до тебя не сумела пробиться.
Ты такая же странная, дальняя,
как в серванте стеклянная птица.
Я листал манускрипт твой, вычитывал
и пытался понять те каракули.
Рвал глаза пятерней нарочито я.
Они падали на пол и плакали.
Не прочел твоих строк я. Поэтому
и своих уж давно не читаю.
Пью вино с гольтьбой и поэтами,
закрываясь людьми, как щитами.

Сад земных насаждений

тем, кто сможет

1. Синее

Синее. Первая строчка катрена.
Еще не море, уже и не пена.
Дожизни вода. Но в ней уже длится
то, что пишу я на этой странице,

то, что взлетит непослушным вихром
в небо без ножниц – в нем кобальт и хром.
Небо до времени. Синь без белил.
Но в клетку вонзили уже хлорофилл.

В ручку мою уже влиты чернила,
в блеске слюды уже зреет черника.
Шорох ветвей, не дождавшись до завтра,
прет из выдавшего виды базальта.

А из лазуревой пасти залива
тянутся мхи, расторопша и слива.
Синее выжгло себя для другого.
Стало невидным и тайным, как слово.

2. Зеленое

Зеленое. Способ пробиться и лечь
не хлебом единым, но в жаркую печь
плавильного летнего неба. Травой
коросту земли пробивать головой,

ветвями царапать безлунную мглу
и красным шиповником сдобрить иглу,
пугать ластоногих трепетом лилий,
бамбуком чертить бессмыслицу линий.

Пора. Эта песня нами допета.
В кадастрах садов обезумело лето.
В мокрых стволах одноногой березы
рвет себя сок, как бутыль на морозе.

Кружится солнце туда и обратно.

Деревья в лесу безмолвны, как правда.
Грачонка перо, что похож на комок,
с убийственным грохотом падает в мох.

3. Желтое

Желтое. Свет при отсутствии света.
Корчатся в озере призраки лета.
Голых деревьев глухие пилястры.
На жухлой траве горящие астры.

Плавают кляксы оранжевых листьев.
И бегают в парке контуры лисьи.
Осень. Агония отзвуков лета,
оторопь веток до звона скелета.

Оторопь неба, простудность глотаний
льдистых ветров и дождей бормотаний.
И камышей худосочных стропила
изморозь словно гвоздями прибила.

Желтое лезет к себе за подкладку,
сама на себе же ставит заплатку.
Лес в коматозе забвенья. И вот
корабль природы на север плывет.

4. Белое

Белое. Это уже не намек, но
снег или стыд, что стучится к нам в окна.
Отблеск конца при отсутствии смерти.
Не голос, не тишь. Уже что-то третье.

Снег. Он улегся чистым белым листом,
намекая: может, когда-то, потом...
Свет, отразившись, останется светом.
Жизнь, завершаясь, не сгинет. При этом

нам путь к красоте преграждает зима.
Преграда съедает себя же сама.
Поземка метет и небо, как вакса.
Время любить и собой любоваться.

Время последних катренов. И хлебом
не с кем делиться. За домом, за хлевом

белое черным, черное белым.
Все пишется слитно почерком беглым...

Ночной крик василиска

Этот лес. Этот голос. Быльем поросло.
Из быля выдираю сухое весло.
Это тело, покрытое мокрым бельем,
будет тоже затянута мшистым бельем.
Это вечность со вкусом казенных галет,
это я, погребенный под шорохом лет.
Это небо. И это всего лишь река.
Были крылья. Теперь это только рука,
под которой от счастья не вскрикнет никто.
Я влезаю в века, как влезают в пальто.
Мне всегда на людей безнадежно везло.
Это лодка покоя. А это весло.
Ни воды и ни крови мы здесь не прольем.
Никогда ты, родная, не станешь бельем.
И зачем же тогда эта жизнь нам дана?
Чтобы пить ее чашей, в которой нет дна?
Хватит нам и ладоней лицо вытирать.
Хватит взгляда, чтоб вовсе тебя потерять.
Это даже не стих. Это шепот и писк.
Я встаю над водой, как ночной василиск.
То ли жив хорошо, то ли плохо убит.
Я сегодня за завтра кровищей умыт.
Поднимаюсь в гниющей своей чистоте
этим стершимся словом на рваном листе,
этой буквой, что вырвана с корнем из жил.
Я любил как умел. Как любил, так и жил.

Стихи с набережной

Я лежу в этом городе вздыбленным мостом
между Веной прозрачной и невским погостом,
между плеском волны и резьбою дверей.
Я ослеп и оглох в молоке январей.
Мне бы только минуточку, и я уцелею.
Видишь, птицей на бакене смутно белею.
Я лежу в этом городе кротостью луж,
по которым бредет тощий пес неуклюж.
Вот дома отразились в припадке падучей,
их углы то тупы, то становятся круче,
а потом затопляются где-то совсем
и гремят электричкою в ноль двадцать семь.
Я свечусь в этом городе лампой в парадном
и шуршу голубями туда и обратно.
Этот вечер настоян на брызгах такси,
на отрывочном «нет» и бездушном «мерси».
Мне бы только минуточку, и я соберусь
в плеске баржи, натужно толкающей груз.
Или в желтых подтеках на краске Сената.
Мне бы только минуточку. А больше не надо.

Двор на Петроградской

Идти дворами и остановиться вдруг,
заслышав стоны мусорного бака.
Я знаю. У попа была собака.
Собаки нет. Но есть в окне паук.

Пожиться. Надев на нос очки,
вглядеться в стены дома цвета теста,
нюхнуть амбре из темного подъезда,
в котором смешаны «Шанель» и кабачки.

А под ногами, словно мелкий шрифт,
для голубей рассыпанное просо.
И разминая пальцем папиросу,
заслушаться, как воеет старый лифт.

Стоять. Бояться. Или оглядеться.
Пожаловаться бабке на дожди.
И слушать, как струятся впереди
по водостоку шорохи из детства.

Взойти на лестницу и вспомнить имена,
и лица, долгих ожиданий тряску.
Там, где экземой шелушится краска,
не разглядеть свои же письма.

От солнца двор поставлен на попа.
Пунктиром окна убегают к свету.
Я тут стою. Хотя меня здесь нету.
Как нет собаки больше у попа.

Комендант одиночества

Комендант одиночества смотрит мои документы
и прошение мое прозрачными пальцами мнет.
Молча ставит печать и глазищами цвета цемента
буравит сознание и разовый пропуск дает.
Он ведет меня краем густого лесного массива,
а потом по тропе он подводит к застывшей реке.
Говорит: «Это здесь». Я сажусь на траву. Тут красиво.
Комендант исчезает с папкой бумажек в руке.
Медно-пламенный линь на меня из водицы взирает.
И восходит луна, законам театра верна.
А на том берегу в покосившемся старом сарае
мышь сгрызает в земле остатки гнилого зерна.
Комендант одиночества все это мне предоставил,
может, на день, может, на целую тысячу лет.
И деревья скрипят надо мной жестяными листьями.
Луна застывает на востоке, желта, как омлет.
Комендант одиночества тихо вернулся в каптерку.
Он шлагбаум закрыл и крутой заварил кипяток.
Снял с себя сапоги и сырую стянул гимнастерку.
Выпил чаю покрепче, сидя лицом на восток.

Сегодня вороны...

Сегодня вороны не слишком крикливы
и белым цветком обозначился вьюн.
А узкие листья изогнутой ивы
повисли над озером. Лето. Июнь.
Наверное, мудр тот, кто это придумал,
кто сам не живет здесь, но помнит о нас.
Как троица, встали у леса три дуба.
Там был и четвертый, но высох, угас.
Кто ветки его карандашным огрызком
лишь только наметил, потом обломал...
Не страшно к нему подойти слишком близко.
Срок жизни любой возмутительно мал.
Кто нас охраняет с невидимой вышки?
Мы пленники разума, но без оков.
Мы даже не гости, а легкие вспышки,
как танец над садом ночных светляков.
Я тоже пылаю и крохотный свет мой
пока еще теплится в чьих-то руках.
Дойти до заката и встать до рассвета,
чтоб оба зрочка растворить в облаках.

Преподобная жуть

Преподобная жуть ослепительной жизни
снова ставит в тупик и авансы дает.
И надежда гудит в заскорузлой харизме,
от земли отрывается, как самолет.
Суть должна быть в руке. Мне предчувствия мало.
И об этом, увы, не расскажешь врачу.
Пока в круглый прицел меня смерть не поймала,
я, пришпиленный к небу, слова бормочу.
Время года – беда. Время суток – унынье,
что сменяется смехом, пока ты в строю.
Так случалось вовеки и присно, и ныне.
Можно ровно дышать и на самом краю.
Можно руки поднять и на них сядут птицы.
Можно смежить глаза, чтоб остался лишь я,
и смотреть, как уверенно движутся спицы
в тех руках, что прядут полотно бытия.
Время жизни – июнь. Венценосное лето
усмехается хитро, как старый дантист,
что готовит наркоз и кусачки. Но это
подтверждает, что мир, как и прежде, цветист.

Все в доме спят

Все в доме спят. И полная луна
из туч надолго выходить боится
и серебрит расслабленные лица
людей, застрявших в лабиринтах сна.

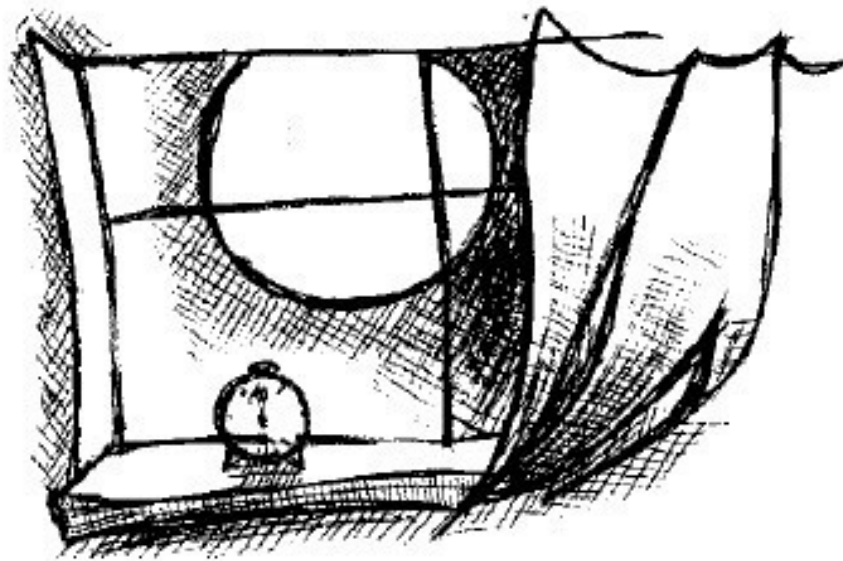
Весь дом затих. И беспокойный день
забыт и убран мягкой тишиною.
И каждый спящий чувствует спиною
свою усталость. Шевелиться лень.

Спят люди, одеяла сжав в горсти.
Уснул огромный муравейник страсти,
в котором не услышишь слова «здрасьте»,
да и «прощай» тут тоже не в чести.

А в окна снова хлынул лунный свет.
Линолеум блестит в сиянье белом.
И люди напряглись во сне всем телом,
как будто бы грозит им пистолет.

Там, за окном, желтушность фонарей
высвечивает ветви и аллеи.
И кошки убегают поскорее
от шаркающих на ветру дверей.

В дурдоме спят. Дежурный санитар
намазывает масло на горбушку
и достает початую чекушку,
чтоб выпить в озаренье лунных чар.

Они говорят

«Я уйду» – они говорят. Это смешно.
Можно уйти из квартиры, из города. Но
в память можно войти, а выйти уже никак.
Там нету дверей, что хлопают на сквозняках.
Это не жизнь: там ты вошел, а там-то вышел.
Память сильна: упавший возносится выше
того, кто летал. Там звук живет только всею.
Там время не движется вдаль, только буксует.

«Я уйду» – они говорят. Если бы так.
Тогда не вопил бы, не ерзал каждый пустяк.
Уходишь? Блеск! Только все забирай без остатка,
чтоб ни черта не валялось, даже осадка.
Чтоб на полках не оставалось ни атома
и чтобы ни рая не ведать, ни ада мне.
Все уноси. Только это выйдет едва ли.
Таких обещаний нам, увы, не давали.

«Я уйду» – они говорят. Что ж, идите.
Ладно. Торты не ест настоящий кондитер.
Да и сапожник своих сапог не имеет.
Мертв пианист, который играл, как умеет.
В детстве легко: там все были дяди и тети.
«Уйду». Никуда вы уже не уйдете.
Здесь вы, со мною. Толпитесь нудно, постыло.
Буду таскать вас теперь, пока не остыну.

Голубые груши Карфагена

Мороз крадется. Борода из ваты.
Здесь правых нет и нету виноватых.
Возможно, никаких здесь больше нет
и я один, как перст, на целый свет.
Иду в саду, где голубые груши.
Грядет мороз. И Карфаген разрушен.
Свисают сверху винограда льдинки.
Проиграны давно все поединки
и все, что можно было потерять,
потеряно. Ветвей густая прядь
не движется, высматривая холод.
Еще не стар, но, в общем-то, не молод,
застрял посередине, как состав,
который мимо стрелок и застав
в тупик уперся, там и отдыхает,
где нету ни божеств, ни вертухаев
и не суют в подушку гексоген.
Легко и тихо. Спи, мой Карфаген.
Да и какой резон скользить по краю.
Не надо песен. Просто отлетаю.
Я, собственно, давно уже лечу.
Не воин. Не герой. Не по плечу
мне ваши схватки, битвы и боренья.
За банку ежевичного варенья
любые идеалы я отдам.
В колоде меж тузов, валетов, дам
я маленькая красная шестерка,
чей голос не слышать, а имя стерто.

Утро в далеких горах

Лама едва не упал на мерзлой циновке,
съехал вниз на ногах, очутившись на бровке.
Ночью озеро льдом прихватило. Рябина
хрустнула чем-то в руке, забросив на спину
снега слегка, который за шиворот бодро
иглой пробежал. И деревянные ведра,
словно гвоздями вбитые, вмерзли, застыли
в траве. И перестали быть вещи простыми,
стали больше похожи на тень или символ,
или чей-то набросок. Такое красивым
остается недолго. Назавтра растает,
в никуда улетит, как гусиная стая.
Лама сел на бревно. Опрокинулись горы
в озера лед. Две драных вороны, как воры,
подбирались к упавшим рябиновым гроздьям,
что из снега блестели в стеклянной коросте.
Лама встал, чтобы утренней мантрой озвучить
новый день и себя. Только стоит ли мучить
этот воздух словами... И сел он обратно.
Вышло солнце, на снег раскидав свои пятна.

Двое у воды

Время – то место, где все происходит однажды.
«Однажды тонула...» – сказала она, отважно
входя в облака, отраженные в речке.
«Помнишь?» – спросил он, но время, схватив их за ворот,
подбросило вверх. Дождями исхлестанный город.
Ночь и вода. Такси несется по встрече.

Время – то место, где времени нету и места.
Медленно вверх. Вот так поднимается тесто,
так обновляется лес, голубеет вода.
«Не знаю...» – вздыхает она и выходит на свет.
И голос далек, как из детства шуршанье конфет
или ветер раскачивает провода.

Время – то место, где миг замедляется время.
В том запахе йода, в зеленке и в детском креме,
в чародействе всей мишуры новогодней.
«Так тихо...» – она говорит и роняет платок.
Он падает. Тут же срывается с ветки листок
из школьного сада, влетая в сегодня.

Время – то место, где завершается трение
тела о душу. Они с потоками времени
идут на посадку и с фронта, и с тыла.
«Где ты?» – спросил он и камушек в воду забросил.
Жаль, что опять опоздал на полжизни с вопросом.
Она на траву улеглась и застыла.

Белый зал

Там наверху, в местах пересечений
людских молитв и вышней немоты,
среди догматов, правил и учений
есть белый зал всеобщей пустоты.
Там – никого. Ни ангелов, ни стражей.
Туда не вхож ни дух, ни человек.
А тишина такая там, что даже
и атомы свой замедляют бег.
Его обходят стороной уныло
архангелы в сиянии знамен.
И в этом белом зале все как было
еще до наступления времен.
Туда святых на дух не подпускают,
а духи сами в ужасе бегут.
И праведники память рвут кусками,
но нет им входа в зал ни там, ни тут.
Там души птиц ни порознь, ни вместе
не могут этот одолеть заслон.
Ведь это – то единственное место,
где от себя же отдыхает Он.

Апокрифы **Галина Горбачева. г. Петрозаводск, Карелия**

Об авторе:

Горбачева Галина Алексеевна родилась и живет в Петрозаводске, Карелия.

Окончила исторический факультет Петрозаводского государственного университета.

Историк.

Первые публикации в сборниках «И будет помнить вся Россия», 2012 год, «Радиус любви», Рязань, 2015 год, в журнале «Север», 2016 год, номер 5–6.

© Горбачева Галина, 2016

Совињон

...Смотри, как печально черна лоза.
Октябрь оголяет свет.
С берега дымно парит кинза,
И в гравий впечатан след.
Как будто бы след высоких котурн
Прошедших веков. Вдвоем
Мы.
И дух погребальных урн,
Лилит на плече твоём.

– Правда ли, – сумрачный птицелов,
Норвежской зимы седей, —
В снежной совятне лелеет сов —
Приманкой чужих смертей?
– Как будто бы сов молодых закон —
(А клятвы не преступать!) —
Вырвать когтями предсмертный стон
У тех, кто учил летать?

...Ночью в горах метет снегово,
Мне плечи и спину ест
Свитера старого твоего
Теплая волчья шерсть.
Терять и терпеть у лозы учись.
Счастливый путь, Жан Леон!..
«Ла Скала ди Маре» танцует бриз,
Мне нравится совињон.

К Светонию

Вот ты пишешь, Светоний: в тот год император Тиберий
Взял когортами Рим, опасаясь волны беззаконий
От падения нравов и взлета чужих суеверий, —
Мне досадно, что ты умолчал о дальнейшем, Светоний! —

Он рассорился с магами.
Те надоели пророчить
Всюду смерть, разделение царства и смену владыки.
Он актеров изгнал; те посмели играть, между прочим, —
Средь бесчисленных казней – в распятыя и крестные лики...

Преступлением стала любовь и ошибкой – свобода...
– Я услышу в ответ: что ты знаешь о времени, Эгла.
Если в Бактрии древней, на самом краю небосвода,
Рухнул глиняный храм, разве Солнце над миром померкло?

Разве кто-то постиг, что творила тогда Галилея —
И в глубины какие еще не ушла Атлантида —
И косматой звезды (ты ее называешь Галлея)
К колыбели моей, почему не склонилась орбита?..

Но позволь мне тебе не поверить, мой гордый Светоний,
С чуткой детской душой
За надменностью римской всегдашней.
Словно ангел крылом, шелк страниц холодит мне ладони...
Это было в тот год, как не стало Иешу Амашши.

Дельфин

На синем побережье рая...

А. Блок

На затерянный призрак звезды
Из тенет океанских глубин,
В блеске молний черней черноты —
Ты плывешь, мой волшебный дельфин.

Ловишь каждый метнувшийся звук,
Что утопит начавшийся шторм...
Мой дельфин,
Мой спасательный круг,
В этой осыпи неба и волн...

Может, ты, плавниками играя,
В серо-синей воде зазвения,
Принесешь к побережью рая
С набежавшей волной и меня?..
Там есть Дом. Там Мария, светла,
Пеленает дитя меж огней —
Так щекотно от лужиц тепла! —
А Иосиф смеется над ней...

В Начале было

Мужчина!.. Дар небытия:
В нем жизнь очнулась с воплем крови,
И замер мир, в любви и боли...
И Бог стал женщиной, творя...

Не Слово, – звук.
Алей заря.
В рычанье – шалость и угроза,
Игра зверей тигриннозвездных,
С глазами цвета янтаря,
В лесном раю звонкоголосы
Капели, трели... хмарь дика,
И, в ожидании взятка,
Яд расточают медоносы...
И Евы грудь – праобраз Храма,
И белый клевер – свысока...
Касанье нежного соска
Сосуще-нежным: ма-ма-ма-ма...
Теплом о манит в тленье тел!
Но так наивно и упрямо
В ладошках бедного Адама
Спят Евы груди... цвет их бел,
Как блеск вспоровших небо стрел,
Где бог выпаивает злобу...

Язык Адама липнет к небу...
Тогда любовь звучит как эЛ...
Всех скорбных дней в дороге к гробу
Плесканье жала – тсс! – немей...
Сродни Великому Потопу
Молчанье.
Шелест ярких змей.

На смерть котенка

Откуда знает зверь про смерть,
Когда когтистой лапой
Скребет, хрипя, земную твердь,
Когда в попытке слабой
Спасти дитя прижметса мать
К его холодной шерстке,
И будет звать, и будет ждать
Тепла – от этой горстки
Пушистой плоти цветом в медь,
Последнего дыханья?..
Откуда знает зверь про смерть,
Вот тайна мирозданья...
И ты, мой маленький, лети,
В волшебные пределы —
Ты встретишь ангелов в пути,
Их перья снежно-белы,
И овевают сладким сном,
Печали прогоняя.
Ты с человеческим дитем
Войдешь в ворота рая.

Мельничная нежить

«Как туча, летучие мыши
Нагонят грачиную рябь
На реки, на стрелы камышин,
На морок, на топи, на хлябь».
«С колючим ознобом простуды,
Пугая прохожих и крыс,
Вода у широкой запруды
Обвалами падает вниз».
«Здесь – мельница;
Радуга брезжит;
Здесь сумрачный сом-домосед, —
И гул, что баюкает нежить, —
И омут, глубокий как смерть».
«Сны-глыбы, движенья – нерезки,
Саженных ресниц колеса
Все шорохи, стуки да трески,
Все скрипы, шаги, голоса...»

«... Бывало, горбунья-Шишига,
Синея зубов гоноблей,
Как поп деревенский расстрига, —
Притащит мешок с коноплей».
«То хлеба, то водки канючит,
То высыплет в воду табак».
«А кот в жерновах замяучит?
Прогнать бы отродье, – да как?»
«Где стиснула вишня-смуглянка
Ветлу (не блеснула б Луна)
Утопленник аль Омутянка
Придвинется тихо со дна».
«С очами песчаного цвета,
Закружит тебя, обоймет...
Бежать, оттолкнуть бы...
Да где там...
А пальцы прозрачны как мед».
«А утро на солнце богато.
Храбры: «Мол, слышали брехню»,
Затеют возню мельничата —
«Кому нынче спать на краю?»
«Но мельник, – что черт для монаха —
И тот ведь сточил коготок,
Спознавшись с такою девахой. —
На лопасть порты наволок!»
«Смотри, припозднившийся путник!
Минуй неприветливый Дом...»

Помилуй мя, Святой Заступник! —
Лихое творится кругом».

«Размолот, по ветру развеян
Волшебный пшеничный завет...
И слова такого – Рассея —
Однажды окажется – нет».
«Двулик и крылат Люцифер твой,
Влачащий державный ярем!
И ты перемолешься жертвой,
Как все, что становится всем».

«Корявая, вросшая в землю,
Корнями сосущая глубь,
Яга, стерегущая мельню,
Распружила снежную крупь».
«А в звездах, как Мельничный короб
Задела рука седока, —
Средь хлябей небесных и хвороб,
Блесной расплескалась мука».
«И чудится: в вьюжеве, в вое,
В Рождественском хрусте снегов
Скрипит колесо золотое,
В леса отгоняя волков».
«Но тел вороненные тени
Кидаются в окон гробы.
На мельнице слышится пенье
И смех, и слова ворожбы...»
«И Дом тот, и мир этот – в Ад бы —
С душой керосиновых ламп...
Все полно предчувствием жатвы...»

Седлышко

Принесли из хибары седлышко.
Побежали кони, с утешностью
Неприрученную нежностью
Раздышаться – с мороза в теплышко.
Не наученные нежности,
Хлесткой правдой располосованы, —
Отшатнувшись в ладони снежные,
Расхлебали, что ало-солону.
Расплескалась дешевой лампочкой
Жизнь, как будто она и нежита.
Неприкаянная, ай, нежность та
Трепыхалась у света бабочкой.

Кипарис и роза

В саду, где плакал и Гафиз —
Любили – и прощали,
Светился белый кипарис
В слезах моей печали...
Летели годы, как столбы
По радугам разлуки.
Но ты вернулся, и шипы
Тебе кололи руки.
Я розу бросила в овраг,
Где никли бересклеты,
В сорочью пустынь,
В жесткий мрак
На водах Сточной Леты...
Прошла зима, белым-бела,
Пургой по снежным висам,
И роза алым расцвела
Над мертвым кипарисом...

Ты слово дал,
Но слово – раб лазури и позора,
А роза падала на лап —
У верного Азора.
К душе притиснулась тоской
Кладбищенской ограды,
Я там, где сумрак и покой,
И жухлых листвиц смрады...
Но жив... но зол еще старик,
Азоркин... еле-еле,
И ливень льет за воротник
Моей несчастной Неле.

Как ребрышки

Как ребрышки танцующей собачки
Породы такс – сочетанно-легки,
Нежнейшим дефиле балетной пачки
На шампурах томятся шашлыки!
И солон жар. Облизывая губы,
Грузин, абхаз? – раз в раз —
Гаргантюа,
Сдирая абрикосовые шубы,
Гоняет поваров, па-де-труа.
Киндзмараули – вкус с царапкой глины.
А хочешь, этикетку поменяй:
(Кивок невозмутимейшей горбины) —
И пред тобой Радеда иль... Токай!..
Три пары босоножек – к полотенцу,
Гранатом обгорелая спина.
Стихи и море – грохотом по сердцу.
И где-то далеко еще война.
Отвесный свет
Скользит наждачной дертью
По синьке гор; заката ждет старик...
И ветер пахнет порохом и смертью,
И бабочек относит на ледник.

Сонет, сочиненный за карточным столиком

Как шулер, смерть откроет два туза —
И рухнет мир, в осколках нас рассея.
Вот отчего у загнанного зверя
Легка душа, легки, пусты глаза.

Но жизнь идет.
Цинготная лоза
Обнажена.
Октябрь. Закат – алея...
Мы пьем вино, в конец игры не веря.
И стоит свеч их пьяная слеза.

Еще мы здесь, на золотом крыльце.
И весело проклятье родовое.
Еще нам не видать на жеребце
Драконьих крыл – и зло почти святое,
И так печальна флейта во дворце.

Но где был дом, там поле золотое...

На синергетику

Все страхи смертного ума,
Как это ни парадоксально,
В подкрыльях звезд,
Во тьме сусальной
Всеутверждающего сна...
Но пьем мы жизнь —
И пьем до дна!
Познал закон Вселенной Веллер,
Но от щедрот ее отмерил,
Увы, – Господь – чуток дерьма,
Немного страсти...
Самомненья
Удел, а прочим нищету;
Тем – диалектику сомненья,
Тем – нудной истины тщету,
Что всем нам смерть
В объяття ляжет...
И потому бессмертны мы,
Смиряя тело плотской жаждой —
И синергетикой – умы!

В целые недели

В целые недели
На исходе сил
В реки, что мелели,
Ливень лил и лил.
Лилий колыбели
(В них текла вода...)
Гибельно белели
С кипени пруда, —
Призрачней и падче
В гномонах секир, —
Сумрачный, но зрячий
Глаз наставя в мир.
А с небесной кручи
Под навес из грез
Приходил дремучий,
Мхом поросший пес.
Лапы клал на пламень
И смотрел на свет, —
Как заблудший Ангел —
В мандалы Всевед.
И скользили зубья
В паводках огней,
И слетали струпья
На циновки дней...

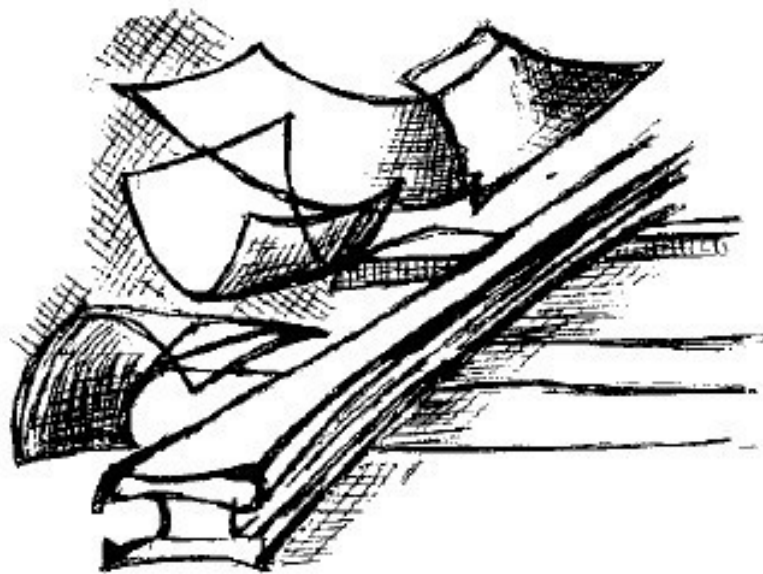
Даная

Перебивая запах яда
Предвосхищением глотка,
Как калька: чашка с шоколадом
На свет прозрачна и – легка, —
А в ней —
Криолло... Форастеро...
(Олмеков царственный секрет)
– И Три-ни-та-рио мис-те-ро
Сплели изысканный букет.

У продавщицы на прилавке
Лежат конфетные щипцы,
И, бабки-липки на булавке:
Стекают лавой леденцы,
А рама, стегнутая ветром,
Грозит разнести прилавок в хлам —
И занавеска как конфета
Прилипла к сладостным рукам,
И эта девушка – (с которой
Мы четверть часа переждем) —
С конфетной сладостью
И шторой,

Под золотым ее дождем, —
Как я грущу, что нет Хайяма!..
На эти ситцы... сипотцы...
А небо рвется синью шрама,
И сыплет капли-дохлецы, —
И, занавески сотрясая,
Окно заглатывает высь —

Какая хрупкая Даная,
Какая прожитая жизнь...

И я пишу тебе это

У одиночества тусклы окна, стеклянны двери.
Мертвые бабочки по углам, цветы несвежи —
В Доме напротив Луны живут лишь Веры.
Надежда порой заходит. —
Но чаще реже.
Ночь в терракоте оранжево-красной лампы
(Лавы, когда-то бывшей Драконьей кровью)
Жжет лунный гелий... (сбиваясь огнями рампы,
Коты и звезды лезут на крышу —
Заняться любовью.)
И я пишу тебе это, vale et amo.

Янтарь

...Пора гасить фонарь...

М. Цветаева

Я думаю, что стало с янтарем.
Могильный червь как лакомство какое
Его изгрыз?
Старуха ль под тряпьем
Почуяла дыханье золотое —
И, нехотя, тайком перекрестясь, —
Позарилась, взяла его – у мертвой?
Так Время,
В спицах вечности вертясь,
Становится для нас смолой, растертой
В кругах
Твоих таинственных деревьев,
В огнях
Твоих погасших побережий...

Янтарь, янтарь...
На шейках королев
Ты стал петлей, затянутой и нежной.

Исчиркана чернилами в букварь,
С колючей детской кляксою и датой,
Жизнь кончена, пора гасить фонарь...

Здесь только смерть, —
Последний соглядатай.

Осень

О двойственность имен,
О время – и скольженье
Сплошного лета лет —
В какие рубежи...
Ледеющий прибой замрет в одно движенье,
И ракушка в песок затертая лежит...
Мой камень – хризопраз,
Мне имя – безымянность!
Безмолвие огня, беззвучие воды.
В без-образность стиха – шлепящая багрянность,
Туманность белых крыл
Под сумерек бинты.
Где летняя жара, где мед сосновых стружек?
И я смотрю, в ладо... шшш!.. дыханье притая,
Как золото дрожит на шкурице лягушек
(Ткачами паутин – сплетенность бытия...),
Как радуга, раздав спеленутые стразы,
Доигрывает жест, улыбку... Цокочи,
Мушинная семья...
Шурк – ящерка вылазит —
И выглазит тепла последние лучи...
Над белькой хризантем метнется страшный идол —
Мохнато-рыжий шмель, сдувая свечки ос...

Настанность красоты (ей имя хризонида...),
Тяжелый ток светил и раковин – на плес.

Сумерки года

Сумерки года. Туман на косе.
Время – задумчивый инок.
Боже ж ты Боже, топить в бирюзе
Хвост полных снежинок!..
С этой безмолвной звездой на весу
Неба волшебная рама...
В белом лесу, в одиноком скиту,
И – ни дороги, ни храма...

Когда о любви будет все уже сказано Елизавета Полес. Беларусь, г. Минск

Об авторе:

Автор сборников поэзии «Я земная и грешная», «Быль», «Не приучай меня к себе», «Свет несказанный», многих коллективных сборников, детских книжек.

Публиковалась в журналах «Наш современник», «День и ночь» (Россия), «Неман», «Немига литературная», «Белая Вежа», «Полымя» (Беларусь), в антологии «Современная русская поэзия в Беларуси», в поэтических альманахах.

Поэт, переводчик, филолог. Член Союза писателей Беларуси, член Союза писателей Союзного государства.

© Полес Елизавета, 2016

«Я родилась не завтра, не вчера...»

Я родилась не завтра, не вчера —
Я сто веков скитаюсь по Вселенной.
Я родилась, когда пришла пора,
Из шороха, из шепота, из тлена.

Я родилась из шелеста ветров,
Из красок сна, из звездной тайны мира.
Когда по жилам заструилась кровь —
Очнулась Муза, задрожала лира.

И робкого молчания печать
Слетела прочь с уже уснувшей песни.
Я родилась мелодией звучать.
И с песней жить.
И в ней опять воскреснуть.

«**Читали женщины стихи...**»

Читали женщины стихи.
А может, судьбы?
Как на ладони – жизнь, грехи:
Судите, люди!

На выдохе, как легкий пар,
Слетали строчки —
Не вдохновенье, а угар
Бессонных ночек.

В них билась истина Творца
В момент творенья.
Сжигали женщины сердца
В стихотвореньях.

Слезами плакала заря
О чем-то дальнем...
Читали женщины не зря
Исповедально.

Господь, расплаты за грехи
От них не требуй.
Читали женщины стихи.
Но пело небо.

«Без музыки? Боюсь, что не смогу...»

Без музыки? Боюсь, что не смогу.
Без музыки? Как будто дни без солнца.
Без музыки? Я у нее в долгу,
она во мне – до нежности, до донца.

Без музыки – как мир уныл и сер!
Без музыки – ни воздуха, ни света.
Без музыки – как обнаженный нерв,
как голый нерв – чем буду я согрета?..

Я выйду ночью августа под дождь,
под звездный дождь из пламени и пыли.
В ладонь звезду, как будто медный грош
поймав, прижму – со всей последней силой.

И в сердце мне сквозь запертую дверь
она вольет —
еще не слишком поздно
дышать огнем небесных тайных сфер —
и дальний свет, и музыку, и воздух...

«Снова вызрела звезд семья...»

Снова вызрела звезд семья.
Только двое нас: ночь и я.
Только двое нас на земле:
Ночь в сиянии, я – во мгле.

Только двое нас в этот час —
Опрокинулся звездный вальс.
В кружевной накидке сквозной —
Ночь со звездами заодно.

Только двое нас: ночь и я
Перед пропастью бытия.
Только двое нас, кроме звезд,
Кроме нежности тихих слез.

Скажи мне еще раз...

Скажи мне еще раз:
«До завтра. До встречи. Пока».
Не надо менять ничего
ни в душе, ни в природе.
Пусть так же лениво
по небу плывут облака,
Кроя силуэты
согласно причудливой моде...

Скажи мне еще раз —
и больше не будет потерь,
И снова растают
тяжелые вечные льдины,
И я приоткрою
уже заржавевшую дверь,
И ветошью белую
с сердца смахну паутину,

И, сдавшись на милость
не раз обманувшей судьбы,
Я снова подслушаю
полночи тайные звуки...
На этой войне,
слава Богу, никто не убит,
А только обманут
предчувствием легкой разлуки...

«Когда о любви будет все уже сказано...»

Когда о любви будет все уже сказано,
Жар сердца погаснет, надежда умолкнет,
Я буду ничем никому не обязана:
Ни близкому другу, ни серому волку,

Ни звездам, что с нами смеялись и плакали,
Ни в рамке портрету на белой стене,
Ни раннего дождика капельке лаковой,
Ни миру, который забыл обо мне.

Я выпорхну в поле, чтоб петь и бродяжничать —
И ветер весенний расчешет мне волосы.
И стану я горсточкой пуха лебяжьего,
И стану мелодии трепетным голосом.

«Нет, мы не повинны, конечно, с тобою...»

Нет, мы не повинны, конечно, с тобою:
Так звезды сложились и солнце с луною,
Так встали планеты в шеренгу беспечно.
А мы – не планеты, а мы – человечки.

И там, среди звезд, на места наши – вето.
Мы бродим в потемках по белому свету,
По разным углам – мы уже не знакомы,
И ветер гуляет в заброшенном доме.

«Не изумруды, лалы и сапфиры...»

Не изумруды, лалы и сапфиры —
К твоим ногам бросаю струны лиры.
Пускай дрожат, изодранные в клочья,
Тебя воруя для бессонной ночи.

Пускай звенят до самого рассвета,
Сметая и границы, и запреты.
Пусть до утра рыдают, не смолкая,
И свет, и боль до плоти обнажая.

Взойдет заря, окрасив веки синюю,
И лира-плач навек тебя покинет.
Но ты поймешь, до двери провожая:
И свет горит, и боль еще живая.

«Помолчи, луна-разлучница...»

Помолчи, луна-разлучница,
И о том не говори,
Как устало сердце мучиться
От заката до зари.

Помолчи, луна-печальница.
Диск твой – плаха иль костер?
Это ж надо – так отчаяться,
Чтобы душу – под топор!

Помолчи, а утром ясное
Солнце медленно взойдет.
Жизнь – она всегда прекрасная.
Лишь порой наоборот.

«За это прекрасное лето...»

За это прекрасное лето,
За лето прекрасное
Плачу неразменной монетой
И бывшею сказкою.

За этот ручей и каналы,
За белое облако
Я душу слегка растоптала
И спрятала в войлоке.

Пускай отдохнет и наплачется
В покое таинственном.
Жизнь – слезы, любовь и чудачества.
И выбор – единственный.

По русским пословицам

Во пиру чужом похмеляться, пить —
Все равно для всех нелюбимым быть.

Ибо пир – не твой и расклад не тот.
Да и на пирог зря раскроешь рот,

Если крошек горсть иль собачья кость —
Все врагов твоих вызывает злость

Или зависть,
что, впрочем, все равно...
Нелюбви не пей горькое вино.

Быть женщиной

Быть женщиной – и, значит, быть актрисой,
В любой момент идти на компромиссы,
Играть – и страстно, и самозабвенно.
И жить в плену. И воспарить над пленом.

Игрушкой быть и игроком – все вместе.
Задорно врать и много сеять лести...
Иначе – нет, не выжить в битвах грозных.
Такая вот, увы, у жизни проза.

«Вбираю мгновенья и слухом, и зреньем...»

Вбираю мгновенья и слухом, и зреньем,
И клеточкой каждой израненной кожи —
Летят они, словно бы сна дуновенья,
Летят, друг на друга ничуть не похожи.

Но каждое что-то мне все же приносит,
И каждое что-то меняет в сознание.
Так мир обновляет пришедшая осень,
Так город растет с каждым с выросшим зданием.

И я вроде та же – и вовсе не та же
В любую минуту, секунду, мгновение.
А Бог милосердный, конечно, подскажет,
Что надо душе для ее возрождения.

«От сниси, от гордыни – от пороков...»

От сниси, от гордыни – от пороков —
Не убежать нам в первозданный лес.
В отечестве не может быть пророков,
А вот пороки щедро дарит бес.

Быть может, наши души обветшали,
И мы, еще не осознав того,
Покрылись злобой, как железо ржавью,
И клич забыв: «Распни! Распни Его!»,

Смиренно лжем и ложно обвиняем,
Смиренно просим сыра пожирней,
Смиренно бьем, смиренно отнимаем
У ближнего тарелку постных шей.

Испив из чаши гнева и печали,
Все дальше мы от праведных небес.
А сердце – сердце, словно в день начала,
Все ожидает сказок и чудес.

«Я верую, я знаю, я дышу...»

Я верую, я знаю, я дышу,
Когда слова в простой узор вяжу.
Так – в казино картежнику игра,
Так – наркоману колкая игла,

Так – двум влюбленным жаркая кровать,
Так мне – очей бессонных не смыкать
До петухов – от ночи до утра,
Держа на остром кончике пера

Все чувства, весь рассудок, весь азарт;
И жизнь тасуя, как колоду карт, —
Искать в ошибках – сладость, в счастье – боль,
И раны растревлять, и сыпать соль,

И слезы лить, и сеять звонкий смех,
И нежность разделить – одну на всех,
И, спрятав сердце, душу растворить,
И все сказать, и тайну не открыть,

И за семью замками до конца
Стеречь огонь поэта и творца.
Когда мечтаю и когда пишу,
Я – бог, я – бес, я – балаганный шут.

«Это так неизбито...»

Это так неизбито:
Затмение, зачатие, рождение.
Из души или быта
Является стихотворенье?

Иль на сердце внезапно
Небесная падает влага?..
Отчего вдруг – без залпа —
Стреляет и жжется бумага?

Не узнать нипочем:
Как, откуда слетаются строчки,
Озаряя огнем
Беспокойные темные ночки.

Только это старо,
Словно космоса тайное знание.
И выводит перо
То, чему не отыщешь название...

«Как смертнику – воли, голодному – хлеба...»

Как смертнику – воли, голодному – хлеба,
Так мне не хватает огромного неба,
Так мне не хватает размашистых крыльев,
Бескрайнего поля и ветреной силы.

Как моется лапкой котенок спросонок,
Так я очищаюсь —
незнанием законов.
Сметая приличья, взлетаю —
и снова
Держусь отрицаньем
запретного слова.

Как небу нужны облака и просторы,
Как снежным лавинам – высокие горы,
Как нужен ребенку пружинистый мячик,
Так песне моей – и молитвы, и плачи.

«И только высокое небо...»

И только высокое небо,
И в небе большом облака...
А все остальное – как небыль,
Времен истончает река.

И только простор поднебесья,
Где душам, как птицам, лететь.
Пусть жизнь – невеселая песня.
Но все же – как хочется петь!

«А я давно уже не та...»

А я давно уже не та —
Весна, девчонка, песня.
И не моя уже мечта
Уходит в поднебесье.

Уже не мой веселый смех
Бежит по тропкам лета.
А я была счастливей всех —
Лучом, надеждой, светом.

А я влюблялась всякий раз,
Как будто бы впервые,
В сиянье звезд, в сиянье глаз,
В озера голубые.

Пусть осень тронула виски
Серебряною краской,
Во мне живут еще ростки
Забывтой детской сказки.

Хоть я себя не узнаю
На стареньком портрете,
Но я по-прежнему люблю
Цветы, деревья, ветер.

Пускай ошибки повторить
Придется не однажды,
Я буду пить любовь и пить,
Не утоляя жажды.

Жизнь

Жизнь моя – в полоски разные —
То пропащая, то праздная,
То чудесная, то вздорная:
С соловьями рядом вороны.

Вот она – в полоску белую:
Там кружусь, еще несмелая,
Там еще наивность чистая
О любви мне шепчет искренней.

Вот идет полоска синяя
Там, где ливни хлещут сильные,
Там, где море пеной катится,
Где надежд так много прячется.

Над полоскою зеленою
Я – отчаянно влюбленная...
И когда еще заплатится
Мне за преданность —
распятием?!

Цвет оранжевый. И силою
Мы его не погасили бы.
Гасят радость зимы снежные,
Боль, печали неизбежные...

Желтой краской перечеркнуты
Рубежи, судьбины-черточки.
Дышит воздух расставанием,
Невозвратностью, скитанием.

Но любимый мой, сиреневый
Цвет возносится над временем.
Там всегда весна, и прежняя
Обжигает радость нежностью.

А когда в полоску красную
Жизнь войдет взрывоопасная,
Все сметет она без жалости —
Недочеты, ссоры, жалобы.

Жизнь моя, полос смешение —
В ней награды и лишения.
Но жива душа, как в юности.
Жизнь моя, не бойся трудностей!

Метроном
Ребекка Лильберг. г. Москва

Об авторе:

Пишет стихи с 1999 г., периодически публикуется в альманахах, живет в Москве.

© Лильберг Ребекка, 2016

Метроном

...Ночь светла и безмолвна... ни звука, —
Что ж на сердце такая-то мука,
Что ж так думы горьки о былом?
Ветер в кронах шумит еле слышно,
И над этой беззвучною тишью
Слышу я лязг железный и гром,
И дрожа, просыпаюсь от стука:

В этом мире ли; в мире ином
Бесконечно стучит метроном
Страшным гулом над спящей планетой, —
Не дойти, не дожить до рассвета,
И минувшее кажется сном —
Будет проком мне эта наука!..
Стук да стук; за ударом – удар
Чередой ниспосланных кар,
Хронос мчится незримою тенью,
И мгновенье сменяет мгновенье —
Бесконечно стучит метроном,
Разделяя, что не было – было.
Я сползаю, держась за перила,
И ступени уходят во мглу.

Вихрь бросает и кружит золу,
Черной мгле ни конца, ни начала;
Всюду шторм, не найти мне причала —
Бесконечно стучит метроном,
Тают света последние блики...
Я не слышу своей Эвридики —
Только эхо звучит мне в ответ;
Нет ответа, – и выхода нет,
Но мне в спину – «Ступай!» – я спускаюсь,
Мне – «Ступай!.. Нет дороги назад!»
Кто ж ты, демон, сошедший во ад?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.